

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПЕТРОВ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

Д. М. БАЛАШОВ КАК СОБИРАТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА: ОТ НАУЧНОГО ПОИСКА К ЛИТЕРАТУРНОМУ МАСТЕРСТВУ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются экспедиционные записи Д. М. Балашова, сделанные в 1957–1960-х годах на севере Карелии и в Мурманской области, в настоящее время хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Предметом внимания являются не фольклорные тексты, а сопутствующие комментарии, отчеты и ремарки исполнителей и собирателя. Весь массив этих вспомогательных данных охватывает несколько тематических областей: сведения о сказителях с подробными словесными портретами литературно-художественного типа; сведения об истории, быте, культуре края; научные гипотезы, комментарии к текстам, позволяющие понять круг научных интересов исследователя. Часть ремарок и мини-эссе публикуются впервые. Делается вывод о том, что мастерство Д. М. Балашова как писателя начало формироваться еще во время экспедиционных выездов, задолго до профессиональной литературной деятельности. Собирателю было тесно в рамках строгой научной работы, поэтому многие сопутствующие комментарии уже носят зачатки художественного текста – даже в отчетах содержатся пейзажные зарисовки, бытовые сценки беллетризованного характера, воссозданы живые образы сказителей, с которыми общался будущий писатель. Знакомство с народными традициями Русского Севера повлияло на художественное мировоззрение Д. М. Балашова, архаические образы и мотивы севернорусского фольклора позже нашли отражение в серии исторических романов на древнерусскую тематику.

Ключевые слова: Дмитрий Балашов, литература, фольклор, фольклорная экспедиция, Русский Север, Карелия, Мурманская область

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках проекта «Балашовский треугольник» с использованием гранта Главы Республики Карелия. Проект реализует КРОО «Содружество народов Карелии» в партнерстве с ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петров А. М. Д. М. Балашов как собиратель фольклора: от научного поиска к литературному мастерству // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.824

ВВЕДЕНИЕ

В многогранном творческом наследии Д. М. Балашова большое место занимают фольклорные записи, сделанные будущим писателем в экспедициях по Русскому Северу в 1950–1960-е годы. По словам Николая Коняева, «Россия больше знает Балашова как писателя, меньше – как фольклориста. Хотя, возможно, он как фольклорист значительнее» [8]. Хороший ученый и хороший писатель сочетаются в одном человеке редко. В этом смысле Д. М. Балашов был личностью универсального дарования: талантливый исторический романист и в то же время признанный исследователь народной культуры. Кроме того, и в фольклористике он состоялся в двух ипоста-

сях: как ученый-теоретик, способный ставить и решать на высоком уровне сложные научные проблемы, и как неутомимый «полевик», энтузиаст, подлинный знаток «своего» материала.

Д. М. Балашов обладал несомненным собирательским талантом: материал записывался с размахом, масштабно, фиксировались самые разнообразные аспекты бытования фольклора. Дневники, экспедиционные отчеты содержат не только записи текстов, но и наблюдения над этнографическим контекстом; исторические сведения о той местности, где записывался материал; предварительные наблюдения чисто теоретического характера; талантливые портретные зарисовки носителей народной традиции и многое другое. При этом Дми-

трию Михайловичу во время первой экспедиции (летом 1957 года) не было и тридцати лет.

В Научном архиве КарНЦ РАН хранятся оригинальные рукописные коллекции (также машинописные копии) с фольклорными записями Д. М. Балашова, сделанными во время экспедиций на Русский Север (преимущественно север Карелии и Терский район Мурманской области) в 1957–1964 годах [9: 140–142, 145]. Подробная опись материалов и некоторые предварительные наблюдения уже были опубликованы ранее [9], [10], [11], [14]. Предметом рассмотрения в настоящей статье станут преимущественно не фольклорные тексты, а те пометки, ремарки и прочие сопутствующие записи (в том числе бытового характера), которые рассыпаны по полевым дневникам собирателя, а также отчеты об экспедициях. Они интересны тем, что проясняют многие вопросы бытования фольклора в то время, проливают свет на некоторые аспекты и трудности собирательской работы, наконец, дают представление о методах работы самого Д. М. Балашова как фольклориста. Некоторые из этих ремарок публикуются впервые, хотя основная их масса уже давно введена в научный оборот самим Д. М. Балашовым (см., например, [1], [3], [4]), а также Е. В. Марковской в ее серии публикаций к 85-летию юбилею писателя.

Содержание архивных коллекций говорит о широком кругозоре Д. М. Балашова, о большом диапазоне его научных интересов. Ученый записывал если не всё, то почти всё: жанровый репертуар включает лирические песни, баллады, былины, духовные стихи, сказки, пословицы и поговорки, прибаутки, частушки, загадки, былички, предания, анекдоты, городские («жестокые») романсы, детский фольклор, любительские авторские сочинения носителей фольклорной традиции, песни-переделки, народные «версии» известных литературных произведений и т. д. Фиксировал собиратель и «потаенный», «низовой» срез неподцензурной народной культуры: в его записях иногда встречаются тексты эротического содержания, в том числе с obscene лексикой¹. Полноценное изучение таких текстов возобновилось лишь в 1990-е годы [13].

Все эти материалы, даже осколки традиции, зафиксированы с высочайшим качеством, с должной тщательностью, научной добросовестностью. Д. М. Балашов был одним из первых, кто начал использовать магнитофон, поскольку прекрасно понимал значение подлинной речи, напевов, интонационных нюансов исполнения фольклорных произведений – всего того, что запись «от руки» передать не в состоянии. Сделанные им и другими участниками экспедиций аудиозаписи хранятся в Фонограммативе ИЯЛИ КарНЦ РАН, значи-

тельная часть введена в научный оборот, другие еще ждут опубликования.

В 2012 году к 85-летию писателя и фольклориста был выпущен мультимедийный диск «Эпос и духовная лирика Усть-Цильмы в записях Д. М. Балашова» (<https://illh.ru/balashev>), снабженный солидным научным аппаратом. Здесь представлены варианты былин, духовных стихов, баллад, записанных в 1963–1964 годах, с расшифровками текстов, нотными приложениями, подробными комментариями, фотоальбомом и обширной вступительной статьей. Подобные комплексные издания ценны как для фольклористики, так и для этномузыкологии, лингвистики, стиховедения, краеведения и т. д.

ЗАМЕТКИ СОБИРАТЕЛЯ

Материалы рукописного архива КарНЦ РАН дают очень хорошее представление о Д. М. Балашове как исследователе фольклора. Заметки, сделанные им словно бы «на полях», на самом деле образуют своего рода метатекст, чрезвычайно важный для понимания не только отдельного произведения, но и в целом феномена народной культуры как таковой.

Уже во время первых экспедиционных выездов началось формирование взглядов Д. М. Балашова как ученого-фольклориста. Очевидно, что записи велись не стихийно: собирательская работа была поставлена на прочные научные рельсы, что, по-видимому, является немалой заслугой Ленинградской (Петербургской) филологической школы. В экспедиционных тетрадях можно обнаружить попутные замечания научного характера, которые говорят о том, что теоретическое освоение собранного материала происходило подчас в процессе фиксации текста. Удивляют точность и глубина понимания важнейших теоретических проблем фольклористики начинающим исследователем. С самого начала Д. М. Балашов неукоснительно следовал определенным принципам записи фольклора. Позже они были сформулированы в отдельной брошюре, вот, на наш взгляд, важнейшие: «записывать нужно все произведения народного словесно-музыкального искусства» [5: 18], при этом записывать «совершенно точно, не сглаживая диалектных особенностей речи и не стесняясь “грубых” выражений, а также кажущейся нескладности отдельных фраз» [5: 20]. Как уже было упомянуто, отдельным «героем» балашовских экспедиций был магнитофон, без которого собиратель не мыслит полноценной работы. Например, в отчете 1964 года по итогам экспедиции на Терский берег Белого моря техническим трудностям, связанным с магнитофоном, уделено немало внимания:

«Экспедиция проходила в очень тяжелых условиях – был получен мною неисправный магнитофон, поэтому на ходу пришлось перестраивать всю работу, менять маршруты <...> Из Оленицы бегал в Кашкаранцы встречать пароход, чтобы получить магнитофон»².

Собиратель тщательно фиксировал любые ремарки исполнителя, которые, например, поясняют, откуда информант усвоил текст, ср. краткое предисловие к былинне «Сухман», записанной в 1957 году от Пелагеи Степановны Югоровой, 62 г., в с. Шуерецкое: «Когда-то на веках у меня книга была, так пела и запомнила еще в ребячестве»³. Или пояснение Анны Васильевны Галашкиной, 61 г., с. Шуерецкое, к духовному стиху «Егорий Храбрый»: «Кондратьевна меня научила. 12 годов мне было, я этот стих запомнила...»⁴.

Д. М. Балашов отмечал всё, что сопутствует основному тексту и раскрывает, каким-либо образом комментирует его:

«Исполнительница говорит, что этот стишок не пели, а говорили словами»⁵; «Это всё из жизни взято, так же люди жили, так же сватались, так же она бросалась на ножички»⁶ (комментарий Екатерины Михайловны Каллиевой, 71 г., с. Шуерецкое, к балладе «Домна»).

Интересны реплики исполнителей о современном бытовании фольклора на эстраде: «По радио многие старинные песни поют. Я говорю: “Ребята, смотрите, наши песни. Мно-о-го старинных”»⁷ (Анастасия Петровна Логинова, 53 г., с. Шуерецкое).

Краткие ремарки, сделанные Д. М. Балашовым, со всей очевидностью обнаруживают потенциальный круг важных для него научных проблем: «Интересно – не литературного ли происхождения рассказ?»⁸, а также: «Забыл сейчас писателя»⁹. Эти комментарии были сделаны к фольклорной переделке рассказа Л. Н. Толстого «Чем люди живы». В тетради Д. М. Балашова народная версия, близкая уже к легендарной сказке, озаглавлена «“Как с церкви крышу снял...” (ангел-сапожник)». Или (реплика исполнителя): «Где уж они эти сказки знали? В книжках вычитывали, верно. А нынче прибаутки эти и знаю только...»¹⁰.

Молодого ученого, очевидно, интересовала сложная проблема фольклоризма художественной литературы. Отсюда повышенное внимание к самодельным, дилетантским произведениям, сочиненным самими носителями фольклорной традиции. Подобные тексты (их не следует смешивать с «фейкlorом», то есть с искусственным фольклором, от англ. *fake* – «фальшивка», «подделка») привлекли специалистов сравнительно недавно, но Д. М. Балашов, в соответствии со своими принципами («переписываю всё подряд»¹¹), зафиксировал и эти материалы. См., например, стихотворение Василия

Павловича Стрелкова, Терский р-н Мурманской обл., с. Чаваньга, зап. в 1961 году¹²:

*Люблю кататься на оленях!
По тундре – белому простору,
Где нет препятствий никаких.
Люблю кататься на оленях
В саамских нартах расписных!
Там голос северной Авроры
Могу услышать на бегу,
Когда оленьих ног копыто
Звонит на искристом снегу.
А сполох – северное диво,
Там играет в час ночной,
И тройка шустрая несётся
По тундре-матушке с тобой!*

Любопытно также стихотворение в народном стиле, похожее на причитание¹³:

*Ой ты берег родной – гавань Чаваньга!
Ой отец ты родной, Сил Данилович!
Ой ты маменька, Дарья Ниловна!
И пошто вы меня – чадо милое
Апраксию замуж выдали
За не нашего, за не милого,
Не на свой бережок, а за морюшко,
Ой за морюшко, ой за Белое!? и т. д.*

Стихотворение довольно объемное, в конце дается пояснение: «Посвящено беломорской сказительнице [е] Аграфене Матвеевне Крюковой (1855–1921). Зимний берег. Составил дальний родственник, уроженец Терского берега Стрелков В. П., г. Минск. 20 декабря 1959 года»¹⁴.

Однако помимо фольклорных текстов и ремарок к ним Д. М. Балашова интересовали и сами сказители. Собирателю было не все равно, что за человек перед ним, как и чем он жил, что чувствовал. Экспедиционные записи содержат ряд ярких словесных портретов. Эти портреты создаются двумя способами: автобиографические сведения (прямая речь исполнителя, взгляд изнутри) и свободное описание собирателем, часто в художественно-публицистической манере (своего рода внешнее наблюдение). Собиратель не ограничивается сухими «паспортными данными», которые принято указывать для каждого фольклорного варианта. Как верно отметила Е. В. Марковская,

«в его описания во время работы со сказителями входил большой объем дополнительной информации, который дает несопоставимо более полное представление о человеке» [11: 229]. «Полевые записи Д. М. Балашова отличает большое внимание, уважение и профессиональный интерес к личности исполнителя» [10: 130].

Информантам предоставляется простор и свобода повествования. Например, в экспедиции 1957 года в с. Шуерецкое Кемского района Д. М. Балашов записал автобиографические сведения Александры Павловны Куроптевой, 65 л. Собиратель отметил, что Александра Павлов-

на родом из Мурманской области (что важно для лучшего понимания возможных связей между локальными фольклорными традициями), и привел ее полный рассказ о себе. Рассказ совсем небольшой и уместился в 16 строчках, однако в нем отразились многие, преимущественно драматические, страницы истории отдельной семьи и «большой истории». Рассказчица из бедной семьи, рано («на 11 году») лишилась отца, который «потонул в Архангельске». Еще ребенком работала на заводе по 12 часов, «а после 5-го году, после забастовки, 10 часов. Маленьки, силы-то ведь нету, тяжело приходилось». Трагедией стала война: «Сын один убит на фронте. Другой служит 10 годов уж». Женщина сожалеет, что, имея способности, не смогла, в силу исторических обстоятельств, как следует выучиться: «Я в 1907 г. сельскую школу кончила. Нам, беднякам, трудно было <...> У меня способности были учиться, если бы как сейчас, то две грамоты у меня остались похвальны. Только чистописание мне не далось». Как это часто бывает, прежняя жизнь, пора юности, вспоминается с ностальгией:

«Сейчас молодежь обленилась, только на танцах их много. Мы-то застрельщиками были. Тут встреча была трех поколений, ну я немножко критикнула молодежь, рассказала, как мы работали. А теперь – поля все затравеют, а на прополку нет никого, а на танцах много. Теперь только стали маленько работать»¹⁵.

Так Д. М. Балашов пытался уловить ускользающее эхо прошлого, по крупицам собирал воспоминания еще живых свидетелей и участников трагических событий первой половины XX века: на долю того поколения, с которым общался собиратель, выпало немало тягот и невзгод. Такие пометки полезны не только для фольклористов, но и для историков: они представляют хороший материал для изучения, например, проблемы исторической памяти по устным рассказам очевидцев.

Необходимо обратить внимание на ту лингвистическую щепетильность, с которой записывались автобиографические сведения: собиратель зафиксировал многие черты идиолекта рассказчицы (лексики, морфологии, синтаксиса); передал особенности спонтанной устной речи со всеми ее огрехами. Поэтому такие мини-тексты могут быть полезны и лингвистам, в том числе диалектологам.

В 1961 году Д. М. Балашов был в экспедиции в Мурманской области (Терский район). Помимо ценных фольклорных материалов он привез и замечательные словесные портреты исполнителей. Также собиратель создал интересные бытовые зарисовки: привел некоторые занимательные отрывки из разговоров жителей, дал описания их взаимоотношений и т. п. Например, с боль-

шой теплотой он рассказал о Евдокии Дмитриевне Конева, 63 г., из села Варзуга:

«В Варзуге Конева несомненно – лучший знаток фольклора <...> У Е. Д. очень тонкая наблюдательность и драматический талант: рассказывая о прошлом, она иногда изображает то или иное событие, всегда мастерски. На людях, однако, она стесняется, рассказывать сказку в присутствии студента ей уже было трудно <...> У Е. Д. очень развито чувство юмора. Это сказывается на ее сказочном репертуаре, но также то и дело проявляется в разговорах, замечаниях, наблюдениях. Так, в 1957 г. она сидела у окна, рассказывая, а я записывал. Вдруг перед домом появился мальчик с удочкой, комически серьезный в огромных отцовских сапогах – он шел на рыбалку. Е. Д. не могла удержаться и выглянула в окно: “Эй, больше рыбы лови! В сапоги наклади!” и добавила, повернувшись ко мне: “Каки больши сапоги!”»¹⁶.

Также собиратель представил подробный портрет Марины Поликарповны Дьячковой, 62 г., с. Варзуга:

«М. П. очень любознательная женщина, ходит в кино, слушает передачи радио, в Мурманске, где она была несколько лет назад, М. П. старалась всё посмотреть, всюду побывать и попросту разглядывала городских жителей <...> В 1957 г., записывая от нее частушки, я записал и такую, [про] которую М. П. сказала мне с некоторым смущением: “Эту я сочинила, сама...”»:

*Мы на севере живем,
Хлеб у нас не родится,
А родная партия
О нас заботится.*

Нынче она вновь вспомнила ее и рассказала следующее: “Тут приезжали из Мурманска двое, ну и пристали как смола – сочини да сочини что-нибудь про современную жизнь, уж я отвязаться не могла и эту частушку сложила”. Факт, как мне кажется, любопытный для любителей разнообразных “новин”... Ряд сказок М. П. непосредственно “литературного” происхождения (из прочитанных книг)”¹⁷.

Здесь, еще задолго до обращения российских фольклористов к проблеме «фейклора», Д. М. Балашов предпринимает первые осторожные наблюдения над истоками и сутью этого явления.

Имеется в экспедиционной тетради и портрет жителя с. Варзуга Сергея Дорофеевича Заборщикова, 54 г.:

«Слепой сказочник и знаток песен. Ослеп в результате ранения на фронте. Лежал в госпитале, в Иркутске, написал домой... Многие жены отказывались от слепых мужей, он также боялся, как его встретят? Жена написала: “Приезжай, какой есть, хоть костьё одно осталось”. Жена и мать, ухаживавшая за ним в послевоенные годы (теперь умерла), помогли С. Д. вновь [в]стать на ноги душевно. Он работал, научился читать по алфавиту для слепых и выписывает журнал. Его сказки слушают сельчане, и это также помогает ему жить...”¹⁸.

Позже Д. М. Балашов переработал, дополнил и опубликовал эти и другие художественные портреты сказителей Варзуги во вступительной статье к сборнику сказок Терского берега [4].

Тонкость, деликатность передачи портрета исполнителя присущи и очерку, написанному Д. М. Балашовым после двух поездок на Печору, предпринятых в 1963–1964 годах [2]. Исследователь воссоздал подробные образы Гаврилы Васильевича Вокуева, Василия Игнатьевича Лагеева, Еремея Прововича Чупрова и Леонтия Тимофеевича Чупрова.

Отдельные, зачастую случайные, реплики помогают полнее представить картину жизни и быта людей. Например, Александра Ивановна Лёвина, 75 л., из с. Шуерецкое Кемского района не только исполнила песню «Шкатулка», но и поделилась сведениями «о делах колхозных и рыбацких», об этнографических реалиях, о каликах: «Как калики пойдут петь стихи, так я убегала, не любила стихов. Калики эти, прости Господи, не нравились мне»; о колхозе: «Стары остарели, а молодые туда-сюда, не идут в колхоз. Есть могутны, да не идут»¹⁹ и т. д. Валерия Ивановна Курицына, 61 г., также из с. Шуерецкое, прерывала чтение стихотворений (по-видимому, самодеятельных: «говорил мне папаша: сами слóжили») поясняющими комментариями:

«На Белом море по рекам – семга ловилась, после, как канал провели, ей и повредило. Теперь разводят в Выге-реке и Сороке. Так селедку в Белом, а здесь – навагу и камбалу»²⁰.

Оба примера – из экспедиции 1957 года, когда Д. М. Балашов был еще аспирантом Пушкинского Дома. Чрезвычайно интересен подробный отчет об этой экспедиции²¹, позднее частично опубликованный [1]. Этот отчет не является простым реестром, каталогом записанного материала. Он содержит описания местности и природы, сведения об истории края, о жителях и их хозяйственных занятиях, носителях фольклора, жанровом составе и современном состоянии фольклорной традиции; имеются острые замечания по поводу снабжения экспедиции и т. д.

В опубликованную краткую, суховатую и более формальную версию отчета [1] не вошли многие любопытные детали, тем интереснее смотреть этот текст в архивном деле. Так, Д. М. Балашов сетует на отсутствие звукозаписывающей аппаратуры:

«К величайшему сожалению, Сектор²² не смог снабдить меня магнитофоном никакой конструкции, что весьма нерасчетливо. Если у нас мало денег, тем более нужно посылать людей с магнитофонами. Это будет ровно вдвое дешевле, чем снаряжать потом отдельную экспедицию за напевами. Экспедиция К. В.²³ тоже не была снабжена магнитофоном. Я буквально вырвал в филиале²⁴ любительский магнитофон “Эльфа-6” и две кассеты с пленкой, которые и исписал целиком в первом пункте моей работы – в Шуерецкой. Так что вместо трехсот-четырехсот музыкальных записей, которые я мог бы сделать при наличии хорошего прибора и пленки, я сделал 59 – столько, сколько уместилось на моих

двух кассетах, и то в одном месте, на Карельском берегу. Сверх того – пусть те, кто знаком с этим Эльфом, скажут, что это за система. Не говоря о конструкции, весом он приближается к той сумочке переметной, в которой была заключена тяга земная. А не взять его совсем я не мог по соображениям научной честности. Когда я поступил в аспирантуру, у меня произошел памятный для меня разговор с Флавием Васильевичем²⁵, который сказал мне: “На словах-то вы все за то, чтобы изучать и собирать песни с напевами, а вот на деле...” Ну и я не хотел, чтобы у меня расходились слова и дела»²⁶.

Д. М. Балашов подошел к составлению отчета, что называется, «с душой», он снабдил его живописными картинками северной природы:

«Белое море изумительно красиво. (Возможно, мне повезло – нынче там было необыкновенно жаркое лето). Фиолетовые граниты, обшитые ледником, сползают в воду, на них щетина соснового леса. Голубые горы вдали. Удивительно нежные и тонкие тона и необыкновенные белые ночи с цветным непотухающим небом»²⁷.

Здесь увлеченный делом ученый-фольклорист выступает уже практически в качестве писателя-пейзажиста, настолько красочно его мини-эссе. Интересно сравнить это описание Белого моря с тем, которое позднее, в 1972 году, уже будучи профессиональным литератором, Д. М. Балашов опубликует в предисловии к сказкам Терского берега, обработанным для детей:

«Белое море приходит и уходит. Отступая, оставляет на песке мелкие розовые ракушки и покрупнее – бороздчатые, с пестрым рисунком. Иногда – винно-красных медуз. Умирая, медузы теряют цвет, бледнеют, становятся прозрачными, как студень, и медленно высыхают на песке <...> Коротко северное лето. Вот уже грозно ревет море, ветер срывает с волн сердитые гребни. Короче стали дни, темнее ночи. Падает снег. Белое море становится черным. Чуть проглянет обмороженное красное солнце, прокатится по самому краю воды, и опять долгие ночи темны...» [6: 3].

Особо он отметил влияние произведений классической литературы и, в целом, текстов массовой культуры на фольклорную традицию края:

«Явно сказывается тяготение к обогащению репертуара произведениями профессионального искусства. Поют Пушкина, Лермонтова. Беда в том, что между народным искусством и классикой стояла и стоит – я знаю провинциальных гастролеров-эстрадников достаточно хорошо, чтобы говорить об этом, – мутная волна невообразимой мешанской пошлости, которая усваивается в деревне под маркой городской культуры. Когда я ехал на пароходе в Кижы и обратно, репродуктор безостановочно обливал меня столь низкопробными “штучками”, что я за эти несколько часов приобрел неврастению и самые мрачные мысли о будущем нашей советской песенной культуры»²⁸.

С восхищением Д. М. Балашов писал о материальной культуре и нравственных качествах жителей северного края. В его дневниковых записях словно конкурируют беспристрастный исследо-

ватель, фиксирующий «экспедиционный материал», и обычный человек, который даже в формальном научном отчете не может не поделиться своими личными впечатлениями об увиденном и услышанном:

«В одежде – старинных сарафанов и повойников держатся старухи, они очень красивы и величественны в этих сарафанах. Молодежь и женщины средних лет все носят современные костюмы; жители культурны, много ездят, много видели, живут зажиточно и очень чисто, в поморские избы приятно заходить. Такая же чистота и на тонях. Народ замечательно приветливый, гостеприимный, честность там поразительная. Пробыв на Белом море меньше двух месяцев, я возвращался оттуда, как будто бы уезжал из родных мест»²⁹.

Из экспедиции в Терский район Мурманской области 1962 года Д. М. Балашов привез, помимо ценнейшего фольклорного материала, и записи историко-бытового характера, например (рассказ Евдокии Анисимовны Мошниковой, 68 л., с. Умба):

«Бесёду собирали по 25 копеек за избу, да и то деньгами не давали, муки или крупы наберешь чашку, старухи и довольны. Раньше и не пили так, не стаканами пили, а рюмочками маленькими. Соберутся – по пять суток гуляли, а пьяного не видать. И не дрались, вот только мудьюжана те приходили драться, любую беседу разобьют. А то и не дрались, тихо жили по деревням, спокойно...»³⁰.

Бытовой, автобиографический рассказ может незаметно переходить в фольклорный нарратив: таков, например, рассказ о вещем сне Анны Архиповны Кузнецовой, 64 г., из с. Пялица[ы]:

«Сон приснился – меня понесло ветром и принесло в военный город. Много-много военных ходит, и старичок седатый, и повел меня. А стоит дом маленький, как моя избушка, и оттуда ревут, слышу. А что там, говорю, ревут? Захожу туда, а там озеро и плавают, только головы видать, и Далматушко мой там. Мама, говорит, не плачь, много плачешь, так мне тяжело, не выбраться из озера. Потом я его достала, и очутился он в шубе белой. И пошли. И идём, а вдруг глянула – и он исчез, как и нет, а дорога идет к морю, к горю, значит. И потом узнала, что убит»³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы привели лишь крупницы из нескольких объемистых томов архивных коллекций Д. М. Балашова. Материалы, которые сам собиратель считал наиболее важными, уже введены в научный оборот, в частности сказки, свадебные песни, баллады, былины, духовные стихи. Однако многое в экспедиционном наследии Д. М. Балашова еще требует пристального внимания фольклори-

стов. Как мы постарались показать, к числу таких материалов относятся записи, сопровождающие фольклорный текст, пояснения, словесные портреты исполнителей, отчеты и т. п. Они позволяют не только лучше понять контекст бытования фольклорного произведения (что достаточно очевидно), но и, как нам кажется, обнаружить истоки будущего писательского мастерства.

Отметим важную вещь: едва ли Д. М. Балашов сознательно подбирал «фактуру» для будущих произведений. Экспедиции носили строго научный характер, а сам он в то время еще не помышлял о будущей судьбе. Однако обстоятельства сложились так, что научными находками он не ограничился. Уже в первых поездках ученый-фольклорист, очевидно, пропитался духом старины, нашел яркие, необычные для представителя городской культурной среды интонации русской народной речи. Впоследствии это, может быть и поневоле, подтолкнуло его к созданию целого мира Древней Руси, в котором он нашел свое предназначение, свой жизненный смысл. Экспедиционные заметки исподволь формировали Д. М. Балашова как писателя: на Русском Севере он нашел и живые образы, и живой язык, и историю, и богатую традиционную культуру. В этом убеждают талантливо выполненные художественно-литературные портреты сказителей, пейзажные зарисовки, бытовые сценки и т. д. При чтении полевых дневников возникает ощущение, что это и не дневники вовсе, а черновики будущих сочинений, проба пера, уже здесь заметен литературный дар, видно бережное отношение к русскому слову. От научного отчета не требуется насыщенных эпитетами и метафорами описаний Белого моря или портрета сельского мальчишки, «комически-серьезного в огромных отцовских сапогах». Однако у Д. М. Балашова все это есть. Вероятно, создание мини-очерков имело для фольклориста такое же значение, как для начинающего музыканта исполнение этюдов, необходимое для освоения инструмента. В литературном творчестве писателя весь опыт собирания и изучения фольклора нашел самое непосредственное воплощение, причем исследователи отмечают

«умение растворить фольклорные традиции в литературе, познать дух народного творчества, его эстетику и этику, протянуть “звенья памяти” от народного эпоса в сегодняшний день, к нравственным исканиям современного человека» [7: 236].

Экспедиции на Русский Север помогли Д. М. Балашову обрести свое призвание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 46. Л. 129; НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 4. Л. 10; НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 54. Ед. хр. № 7. Л. 27; НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 54. Ед. хр. № 13. Л. 43.

- ² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 54. Л. 1.
- ³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 36. Л. 49.
- ⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 39. Л. 56.
- ⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 33. Л. 44.
- ⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 49. Л. 80.
- ⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 48. Л. 78.
- ⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 3. Л. 21.
- ⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 3. Л. 20.
- ¹⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 2а. Л. 7.
- ¹¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 41. Л. 203.
- ¹² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 42. Л. 205–206.
- ¹³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 45. Л. 208.
- ¹⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 45. Л. 209–210.
- ¹⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 27. Л. 35.
- ¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 8. Л. 35–36.
- ¹⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 14. Л. 42–43.
- ¹⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 27. Л. 70.
- ¹⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 38. Л. 55.
- ²⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 78. Л. 139.
- ²¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1.
- ²² По-видимому, речь идет о секторе народного творчества ИРЛИ (Пушкинский Дом).
- ²³ Кирилл Васильевич Чистов.
- ²⁴ Видимо, имеется в виду Карельский филиал АН СССР.
- ²⁵ Флавий Васильевич Соколов, музыковед-фольклорист, в 1953–1957 годах заведующий Фонограммархивом Пушкинского Дома. См. [12].
- ²⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1. Л. 2–3.
- ²⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1. Л. 5.
- ²⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1. Л. 18.
- ²⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1. Л. 8.
- ³⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 41. Ед. хр. № 2. Л. 3.
- ³¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 41. Ед. хр. № 12. Л. 41–42.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Д. М. Новые записи фольклора на побережьях Белого моря // Русский фольклор. Т. IV. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 418–421.
2. Балашов Д. М. Печора и ее сказители // Север. 1965. № 3. С. 73–84.
3. Балашов Д. М. Предисловие // Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л.: Музыка, 1969. С. 3–9.
4. Балашов Д. М. Сказочники и сказочная традиция на Терском берегу // Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. С. 7–31.
5. Балашов Д. М. Как собирать фольклор (руководство по сбору произведений устного народного творчества). М.: Знание, 1971. 39 с.
6. Балашов Д. М. Как сказки попали в книжку // Сказки Терского берега / Запись, литературная обработка сказок Д. М. Балашова. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1972. С. 3–6.
7. Дюжев Ю. И. Д. М. Балашов (1927–2000) // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 233–245.
8. Коржов Д. Кольчуга памяти и любви // Мурманский вестник. 17.11.2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mvestnik.ru/culture/pid2007111723731/> (дата обращения 25.05.2022).
9. Марковская Е. В. Описание фольклорных коллекций Научного архива КарНЦ РАН // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов: Материалы V научно-практического семинара. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2012. С. 127–274.
10. Марковская Е. В. Д. М. Балашов и Карелия: «Фольклорный период» в жизни писателя // Традиционная культура. 2012. № 4. С. 129–139.
11. Марковская Е. В. Сказители Русского Севера 1960-х годов в исследованиях Д. М. Балашова // Человек в истории: героическое и обыденное. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 226–231.
12. Марченко Ю. И. Флавий Васильевич Соколов – собиратель напевов Печорского былинного эпоса // Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 424–426.
13. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. ред. А. Л. Топоркова. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1995. 640 с.
14. Шибанова Н. Л. Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в архиве Карельского научного центра РАН // Русский фольклор. Т. XXXII. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. С. 425–475.

Поступила в редакцию 27.05.2022; принята к публикации 25.07.2022

Alexander M. Petrov, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

DMITRY BALASHOV AS A FOLKLORE COLLECTOR: FROM SCHOLARLY INQUIRY TO LITERARY MASTERY

Abstract. The article deals with the expedition records of D. M. Balashov made in 1957–1960s in the north of Karelia and in the Murmansk Region. They are currently stored in the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The subject of the study is not the folklore texts themselves, but the accompanying comments, reports and remarks of the performers and the collector. The entire array of these auxiliary data covers several thematic areas: information about storytellers with detailed verbal literary portraits; information about history, life, and culture of the region; scientific hypotheses, comments on texts that help to understand the range of the scholar's research interests. Some remarks and mini-essays were not previously published. It is concluded that the skill of D. M. Balashov as a writer began to take shape during his expedition trips, long before he started his professional literary career. Balashov felt cramped within the framework of purely research work, therefore many accompanying comments already have the features of a literary text: the reports contain landscape sketches, depict some scenes of people's everyday life, and create the vivid images of storytellers with whom the future writer communicated. Acquaintance with the folk traditions of the Russian North influenced Balashov's literary worldview. Archaic images and motifs of northern Russian folklore were later reflected in a series of his historical novels about ancient Russia.

Key words: Dmitry Balashov, literature, folklore, folklore expedition, Russian North, Karelia, Murmansk Region

Acknowledgements. The paper was written as part of the project “Balashovsky treugol'nik” (“Balashov Triangle”) funded by the Grant Foundation of the Head of the Republic of Karelia. The project is implemented by the Karelian regional public organization “Sodruzhestvo narodov Karelii” (“Community of the Peoples of Karelia”) in partnership with the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Petrov, A. M. Dmitry Balashov as a folklore collector: from scholarly inquiry to literary mastery. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.824

REFERENCES

1. Balashov, D. M. New folklore records on the coasts of the White Sea. *Russian folklore. Vol. 4. Materials and studies*. Moscow, Leningrad, 1959. P. 418–421. (In Russ.)
2. Balashov, D. M. Pechora and its storytellers. *Sever*. 1965;3:73–84. (In Russ.)
3. Balashov, D. M. Preface. *Balashov D. M., Krasovskaya Yu. E. Russian wedding songs of the Tersky Coast of the White Sea*. Leningrad, 1969. P. 3–9. (In Russ.)
4. Balashov, D. M. Storytellers and fairy tale tradition on the Tersky Coast. *Tales of the Tersky Coast of the White Sea*. Leningrad, 1970. P. 7–31. (In Russ.)
5. Balashov, D. M. How to collect folklore (a guide to collecting oral folklore). Moscow, 1971. 39 p. (In Russ.)
6. Balashov, D. M. How fairy tales got into the book. *Tales of the Tersky Coast*. (D. M. Balashov, Ed.). Murmansk, 1972. P. 3–6. (In Russ.)
7. Duzhev, Yu. I. D. M. Balashov (1927–2000). *History of Karelian literature*. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. P. 233–245. (In Russ.)
8. Korzhov, D. Chain armor made of memory and love. *Murmansk Vestnik*. 17.11.2007. Available at: <https://www.mvestnik.ru/culture/pid2007111723731/> (accessed 25.05.2022). (In Russ.)
9. Markovskaya, E. V. Description of the folklore collections from the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Field research and archiving of folklore and ethnographic materials: Proceedings of the V research and practice seminar*. Petrozavodsk, 2012. P. 127–274. (In Russ.)
10. Markovskaya, E. V. D. M. Balashov and Karelia: The “folklore period” in the life of the writer. *Traditional Culture*. 2012;4:129–139. (In Russ.)
11. Markovskaya, E. V. Narrators of the Russian North in the 1960s in D. M. Balashov's research. *Man in history: the heroic and the ordinary*. Petrozavodsk, 2012. P. 226–231. (In Russ.)
12. Marchenko, Yu. I. Flaviy Vasil'evich Sokolov, a collector of melodies of the Pechora bylina epics. *Ryabinin Readings – 2019: Proceedings of the VIII Conference on the Study and Updating of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 424–426. (In Russ.)
13. Russian erotic folklore. Songs. Rites and ritual folklore. Folklore theatre. Incantations. Riddles. Chastushkas. (A. L. Toporkov, Ed.). Moscow, 1995. 640 p. (In Russ.)
14. Shibanova, N. L. Inventory of handwritten collections of folklore materials collected by D. M. Balashov stored in the Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Russian folklore. Vol. 32. Materials and studies*. St. Petersburg, 2008. P. 425–475. (In Russ.)

Received: 27 May, 2022; accepted: 25 July, 2022